
Научная статья / Research Article

УДК 93/94

DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-215-227

Алексей Иванович Кортунов

Башкирский государственный педагогический университет им. М. Акмуллы, Уфа,
Республика Башкортостан, Россия
kortunov@rambler.ru

**ЯИЦКОЕ (УРАЛЬСКОЕ) КАЗАЧЬЕ ВОЙСКО В XVII – ПЕРВОЙ ЧЕТВЕРТИ
XVIII в.: ЭТНОСОЦИАЛЬНЫЙ СОСТАВ И МИГРАЦИОННЫЕ
ПРОЦЕССЫ (ПО МАТЕРИАЛАМ ПЕРЕПИСЕЙ 1632 и 1723–1724 гг.)**

На основе анализа списков яицких казаков 1632 г. и материалов переписи полковника И. Захарова 1723–1724 гг. целью исследования является комплексное изучение процессов формирования, этносоциального состава и миграционной динамики Яицкого (Уральского) казачьего войска в XVII – первой четверти XVIII в. В работе решаются задачи по определению географических и хронологических параметров миграции, выявлению этнического и сословного состава войска, анализу его взаимоотношений с государством и опровержению устоявшейся версии о донском происхождении. Методологическую основу составили историко-генетический, сравнительно-исторический, статистический методы, а также источникovedческий и антропонимический анализ. Ключевые результаты, полученные на основе количественных данных, опровергают тезис о донских корнях яицкого казачества: подавляющее большинство переселенцев (свыше 85 % по спискам 1632 г. и более 97 % по переписи Захарова) прибыло в регион из Волжского бассейна. Этносоциальный состав войска, реконструированный по переписи 1723–1724 гг., оказался пестрым: костяк составили бывшие русские крестьяне (около 65 %), значительную долю занимали представители нерусских народов (татары, башкиры, калмыки и др.). В качестве выводов отмечается, что Яицкое войско прошло сложный путь от вольной общины до структурированной военной корпорации, находясь под влиянием внешних угроз и внутренней политики государства.

Ключевые слова: миграционные процессы, перепись, переселенцы, списки, этносоциальный состав, яицкие казаки

Для цитирования: Кортунов А.И. Яицкое (Уральское) казачье войско в XVII – первой четверти XVIII в.: этносоциальный состав и миграционные процессы (по материалам переписей 1632 и 1723–1724 гг.) // Социально-экономический и гуманитарный журнал. 2025. № 4. С. 215–227. DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-215-227.

Alexey Ivanovich Kortunov

Bashkir State Pedagogical University named after. M. Akmully, Ufa, Republic of Bashkortostan, Russia
kortunov@rambler.ru

**THE YAIK (URAL) COSSACK HOST IN THE 17TH AND FIRST QUARTER
OF THE XVIII CENTURY: ETHNO-SOCIAL COMPOSITION AND MIGRATION
PROCESSES (BASED ON THE 1632 AND 1723–1724 CENSUS DATA)**

Based on an analysis of the 1632 Yaik Cossack lists and Colonel I. Zakharov's 1723–1724 census, this study aims to comprehensively examine the formation, ethnosocial composition, and migration dynamics of the Yaik (Ural) Cossack Host from the 17th to the first quarter of the 18th centuries. This work addresses the challenges of determining the geographic and chronological parameters of migration, identifying the ethnic and class composition of the host, analyzing its relationship with the state, and refuting the established theory of its Don origins. The methodological basis is formed by historical-genetic, comparative-historical, and statistical methods, as well as source study and anthroponymic analysis. Key findings based on quantitative data refute the thesis that the Yaik Cossacks launched Don offensives: the overwhelming majority of settlers (over 85% according to the 1632 lists and over 97 % according to Zakharov's census) arrived in the region from the Volga basin. The ethnosocial composition of the host, reconstructed from the 1723–1724 census, turned out to be diverse: the backbone was made up of former Russian peasants (about 65 %), while a significant proportion was made up of representatives of non-Russian peoples (Tatars, Bashkirs, Kalmyks, etc.) The conclusions note that the Yaik host went through a difficult path from a free community to a structured military corporation, under the influence of external threats and the internal politics of the state.

Keywords: migration processes, settlers, governed, ethnosocial composition, Yaik Cossacks

For citation: Kortunov A.I. The Yaik (Ural) cossack host in the 17th and first quarter of the XVIII century: ethno-social composition and migration processes (based on the 1632 and 1723–1724 census data) // Socio-economic and humanitarian journal. 2025. № 4. P. 215–227. (In Russ.). DOI: 10.36718/2500-1825-2025-4-215-227.

Введение. Формирование Яицкого (Уральского) казачьего войска является одной из ключевых тем в истории освоения юго-восточных рубежей Российского государства. Несмотря на наличие значительного массива архивных документов и научных исследований, многие аспекты этого процесса, в частности вопросы этносоциального состава и миграционных потоков, остаются предметом дискуссий в историографии. Данная статья на основе анализа уникальных источников (списков яицких казаков 1632 г. и материалов масштабной переписи полковника Ивана Захарова 1723–1724 гг.) нацелена на изучение демографических и миграционных процессов в яицкой казачьей общине. В работе опровергается устоявшаяся версия о донских корнях яицкого казачества, доказывается его преимущественно волжское происхождение, а также детально рассматривается сословный и этнический состав войска, его эволюция в контексте госу-

дарственной политики и внешних вызовов.

Цель исследования – комплексное изучение процессов формирования, этносоциального состава и миграционной динамики Яицкого (Уральского) казачьего войска в XVII – первой четверти XVIII в. на основе анализа доступной литературы и уникальных архивных источников.

Задачи: проанализировать данные списков казаков 1632 г. и материалов переписи И. Захарова 1723–1724 гг. как ключевой источниковой базы для демографических и миграционных исследований; определить основные географические направления и хронологические волны миграции населения на Яик и установить удельный вес выходцев из различных регионов России; выявить и охарактеризовать этнический и сословный состав Яицкого войска, выделив доли русских крестьян, представителей других сословий, а также различных не-

русских народов; проследить эволюцию взаимоотношений Яицкого казачьего войска с Российским государством в контексте правительственной политики по сыску и возврату беглых крестьян; оценить влияние внешнеполитического фактора (постоянные столкновения с кочевыми народами) на демографическое положение и служебную нагрузку яицких казаков; опровергнуть на основе полученных в историографии количественных данных версию о донских корнях яицкого казачества и обосновать тезис о его преимущественно волжском происхождении.

Методы. В ходе исследования был применен комплекс научных методов, позволивших всесторонне изучить процесс формирования Яицкого казачьего войска. Основу методики составил историко-генетический метод, благодаря которому удалось проследить происхождение и этапы развития войска от первых переселенцев (с 1599 г.) до его оформления в структурированную военную корпорацию к 1720-м гг. Важную роль сыграл сравнительно-исторический метод, использованный для сопоставления данных списков 1632 г. и переписи Захарова 1723–1724 гг., что выявило динамику миграционных процессов и трансформацию этносоциального состава. Полученные количественные данные были систематизированы и проанализированы при помощи статистического метода, который применялся для подсчета численности казаков, определения процентного соотношения мигрантов из разных регионов и их классификации по сословным и этническим признакам.

Достоверность выводов обеспечена тщательным источникovedческим анализом, включившим критическое изучение и интерпретацию архивных документов: списков казаков 1632 г., материалов переписи И. Захарова, официальных документов и челобитных. Особую значимость имел антропонимический анализ, позволивший определить географию выхода казаков по таким прозвищам, как «Ярославец», «Казанец» и др. Исследование также опиралось на

проблемно-хронологический метод, выделивший ключевые этапы истории яицкого казачества (Смутное время, петровские реформы) в их взаимосвязи с внутренней и внешней политикой государства. Целостное восприятие изучаемого объекта было достигнуто благодаря историко-системному подходу, в рамках которого казачья община рассматривалась как сложный социальный организм, взаимодействующий с государством, кочевыми народами и другими казачьими войсками. Комплексное применение этих методов позволило реконструировать процессы формирования Яицкого войска, опровергнуть устоявшийся тезис о его донском происхождении и выявить ключевые факторы, влиявшие на его развитие на протяжении XVII – первой четверти XVIII в.

Результаты и их обсуждение. В конце XVI – начале XVII в. Русское государство переживало глубокий социально-экономический кризис. В этих условиях массовое бегство крестьян и посадских людей становилось все более серьезной проблемой для центральной власти. Река Яик (Урал) превратилась в один из главных центров притяжения для беглецов, поскольку здесь еще не были установлены крепостные порядки. Сюда стекались те, кто стремился укрыться от помещичьего гнета. Большинство прибывавших на Яик не имели никакого имущества, что подталкивало их к активному участию в походах «за зипунами». Каспийское море было основной целью таких набегов, совершавшихся яицкими казаками практически каждый год.

В 1632 г., с началом Смоленской войны, царское правительство направило на Яик полковника Богдана Змиева. Одной из задач был набор «вольных людей» на государеву службу, что позволяло одновременно уменьшить число участников походов на Каспий. Змиеву удалось привлечь около тысячи казаков. Составленные им списки, дошедшие до нашего времени, содержат имена 950 человек. Согласно некоторым оценкам, общая численность Яицкого казачьего

войска в тот период достигала 2 000 человек. Соответственно, по меньшей мере тысяча казаков удалось избежать внесения в официальные документы [1, л. 1–83].

Попытка проанализировать эти документы была предпринята еще в дореволюционный период офицером Уральского войска Ахиллом Карповым, изложившим свои выводы в труде «Уральцы. Исторический очерк» [2, с. 55–57]. В современной историографии также присутствуют работы, посвященные изучению состава яицкой казачьей общины. Особого внимания заслуживают исследования филолога Алоиса Назарова [3, с. 37–55; 4, с. 39–47; 5]. Несмотря на интерес ученых к данному источнику и уже опубликованные выводы, многие аспекты еще требуют более детального рассмотрения.

Списки яицких казаков 1632 г. содержат ценную информацию, позволяющую определить географию миграционных потоков на Яик. Более половины из 950 опрошенных казаков назвали ме-

ста их прежнего жительства. В документах эти сведения зафиксированы в виде прозвищ-топонимов, которые обычно следовали за именем и отчеством: Петрушко Иванов Псковитин, Федка Герасимов Москвитин, Петрушко Дорофеев Самаренин и т. д. Реже такое прозвище стояло после фамилии, как, например, Микитко Олексеев Мальцов Темник, Ивашко Степанов Колычев Костромитин и др. Встречаются и исключения, когда указано только имя и прозвище: Кирило Казанец, Федор Дербенской и т. п. [1, л. 22–83].

Анализ списков позволил выявить основные регионы, откуда шло пополнение яицкого казачества. Из 494 казаков, указавших свое прежнее место жительства, 419 человек (около 85 %) прибыли с Волги. Примерно 8 % ранее проживали в бассейнах Днепра, Дона, Иртыша и их притоков. Еще свыше 7 % мигрантов были выходцами с территорий, прилегающих к Балтийскому и Белому морям, а также с побережья Каспия.

Таблица 1

Миграция на Яик (по данным 1632 г.) [1, л. 1–83]

Территория	Количество населенных пунктов	Количество переселенцев, чел.	Процент переселенцев, %
Бассейн Волги	71	419	84,82
Бассейн Днепра	9	31	6,28
Бассейн Белого моря (рр. Северная Двина, Вычегда, Онега)	7	27	5,47
Бассейн Балтийского моря (рр. Великая, Волхов, Тихвинка, Тороп, Луга)	5	8	1,62
Бассейн Дона	4	6	1,21
Бассейн Иртыша	2	2	0,4
Берег Каспийского моря	1	1	0,2
Итого	99	494	100

Полученные данные опровергают теорию о донском происхождении яицкого казачества и подтверждают его

волжские корни. Вероятно, на Яике было не так много «природных» казаков, перешедших из других войск. В изученных

списках обнаружены всего 12 человек, которых можно предположительно отнести к выходцам из иных казачьих общин. Четыре имени с прозвищами Гребенец, Гребенскин и Гребенской указывают на связь с гребенскими казаками. Семь казаков с прозвищем Терской, возможно, принадлежали к терскому казачеству. Один казак упомянул, что родом из Андреевской станицы, не уточняя, какому войску она принадлежит [1, л. 24, 28–36, 54–72].

После окончания Смоленской войны многие яицкие казаки остались нести службу на западных рубежах страны. Они были расквартированы в таких городах, как Рославль, Козлов, Яблоново, Усмань и других. Казаки участвовали в боевых действиях в Польше и под Ригой. В награду за службу они получали земельные наделы, обзаводились семьями, и в результате большинство из них навсегда утратили связь с Яиком. Тем не менее вплоть до конца XVII столетия в официальных государственных документах, касающихся участия в военных походах, службы в разных городах и выдачи жалованья, их продолжали именовать яицкими казаками.

XVII столетие для яицкой казачьей общины стало определяющим. Смутное время, неудачные походы на Хиву, поиск удобного места для нового Яицкого казачьего городка и его обустройство, выстраивание отношений с Москвой, столкновения со стрелецкими отрядами и степняками (ногайцами, калмыками, киргиз-кайсаками, каракалпаками и др.), посещение донских казаков Яицкого городка и участие в восстании Степана Разина, участие в различных службах и походах русской армии, а также ряд других событий заложили основу для формирования Яицкого казачьего войска как военной силы на юго-восточных рубежах Российского государства, обладающего своеобразной культурой и образом жизни. Особо сложными для яицких казаков стали петровские времена конца XVII – первой четверти XVIII в.

Бесспорным фактом является то, что основу войска составляли беглые лю-

ди с различных мест, преимущественно европейской части России, большая часть из которых представляла крестьянское сословие. Наплыв беглецов на Яик наблюдался в конце XVII в., на что обратило свое внимание правительство. Единственным способом выяснить состав яицкой общины было проведение переписи. В 1695 г. на Яик отправляется комиссия, которая после ряда мероприятий определила численность войска в 2 600 служащих казаков. После этого последовал указ Петра I о запрете принимать в Яицкое войско беглых. К сожалению, не сохранилось документов, в которых описывалось это событие. Мы не знаем, кто приезжал для переписи на Яик в 1695 г., и что послужило поводом для ее проведения. Ограниченнную информацию результатов данного мероприятия мы можем получить из ответных писем Яицкого войска на запросы Коллегии иностранных дел за 1720 г. [2, с. 381–382, 976].

В первой трети XVIII в. количество случаев побега крепостных значительно увеличилось. Самое большое число беглых крестьян отмечено в период 1723–1727 гг. Причины этого явления, вероятнее всего, связаны с проведением в 1719 г. первой ревизии (подушной переписи населения) и соответственно реформой податного обложения. Законодательная база, посвященная беглым крестьянам, в 1720-х гг. значительно усиливается. В этот период издается около пятидесяти указов. Для сравнения – в предыдущем десятилетии их было всего двадцать. В итоге в 1718–1722 гг. происходит сокращение потока беглых, но с 1723 г. он, наоборот, усиливается. Предположительно это связано с началом сбора подушной подати [6, с. 128].

В 1718 г. для переписи Яицкого войска и сыска беглых в Яицкий казачий городок направляется поручик Д. Темецкий, а затем прaporщик Егор Кротков, который впоследствии был обвинен в поборах. Как оказалось, Яицкое войско в это время насчитывало 2 770 казаков. Из них 770 человек были объявлены беглыми. По указу все те, кто прибыл на Яик

после 1695 г., подлежали возврату на прежние места жительства. В результате в Яицком городке начались волнения с чередой смены атаманов [7, с. 15]

Из известных представителей атаманской верхушки Яицкого войска в первой половине XVIII в. выделялся бывший сибирский каторжник, принятый яицкими казаками в свою общину, Федор Рукавишников (он же Крашенинников). Не один раз казаки выбирали его атаманом «легкой станицы» (делегатов от войска) в Санкт-Петербург, и именно Рукавишников осенью 1720 г. привез челобитную от яицких казаков с просьбой к Петру I о подтверждении прав Яицкого войска на реку Яик, «дабы иметь законное основание противиться тому “изневажству” которое причинили казакам градские самарские жители, башкиры, калмыки и киргизы». В итоге Петр Великий подтвердил привилегии Яицкого войска за верную службу [8, с. 231–232].

В 1720–1722 гг. яицкие казаки активно противостояли всем попыткам вернуть беглых в их прежнее состояние. Периодически в Петербург отправлялись «легкие станицы» для передачи челобитных и разъяснения необходимости сохранить целостность войска. Правление Яицкого войска даже шло на хитрость, делая акцент в челобитных на донское происхождение местного казачества, скрывая факты массового притока на Яик крестьян. Например, в прошении 1721 г. станичным атаманом Федором Руковищниковым сообщалось, что «в прошлых давних годах, прадеды и деды их то есть первые яицкие казаки пришли и заселились здесь на Яике реке вольные люди собравшись русских с Дону и из разных городов, а татары из Крыму и Кубани и из других магометанских народов человек сорок которому их заселению и лче паче на Яик реку приходу ныне будет Гораздо более з двухсот лет...» [9, л. 84–86 об.].

Ситуация меняется в 1722 г. Казаки получают известие о решении Сената провести перепись на Яике. Содержание челобитных изменяется. В очередном

своем послании войсковое правление сообщает, что «в прошлых, давних годах, зашли прадеды и деды наши во владения басурманских орд, и служа помянутые басурманские орды от Яику реки отогнали... и объявили Царскому Величеству... и по тому их доношению пожалованы они тою вышеупомянутою рекою Яиком, чтоб на оную реку на житье набрались всякими вольными людьми; и после того числа набралась вотчина из великороссийского, и из малороссийского народа, тако ж и из иноземцев из разных орд по нынешней 722 год 2 850 человек» [2, с. 686–687; 9, л. 544–546].

Отметим, что после 1720 г. в официальных документах яицких казаков меняется численность служащих Яицкого войска. Это было связано с возвращением с Северной войны станицы атамана Матвея Рекунова, ушедшего с Яика по указу, для участия в «Свейских походах» (Шведских походах), в далеком 1704 г. Из 500 человек на родину вернулись всего 200, остальные либо погибли, либо скончались от ран и болезней. В это же время из г. Або (ныне г. Турку, Финляндия) из шведского плена возвратились 56 яицких казаков. С этого момента служащих казаков в войске, если округлить итоговую цифру, становится 2 850. [2, с. 680; 10, л. 198].

Главной причиной просьбы Яицкого казачьего правления не отправлять на прежние места жительства беглых являлось крайнее малолюдство в войске. Яицкие казаки вынуждены были довольно часто, по требованию властей, снаряжать на государеву службу свои отряды (от нескольких сотен до двух тысяч). На службах многие казаки погибали, другие умирали от ран, кто-то попадал в плен и не возвращался.

Много казаков страдали в стычках с кочевниками (киргиз-кайсаками, кара-калпаками и др.). Показательными являются зафиксированные в исторических источниках столкновения на реке Утве, которые довольно часто происходили в первой четверти XVIII столетия. В одном из таких боев отряд яицких ка-

заков (150 всадников) был разбит пре-
восходящей их по численности ватагой
степняков. Многие погибли, при этом
пять казаков попали в плен и отправи-
лись на продажу в Хиву [8, с. 248–249].

В дополнение к этому на дороге
между Яиком и Самарой яицкими каза-
ками содержались одиннадцать застав
(Осиновый, Дубовый и др.). Также Яиц-
ким войском регулярно посылались от-
ряды казаков на редуты по реке Сок [11,
с. 20], а в начале 1720-х гг. их обязанно-
стью становится охрана летних стороже-
вых постов, расположенных на реке
Большой Черемшан (впоследствии
названных черемшанскими форпостами)
[12; 13 л. 1–2]. Здесь, в многочисленных
стычках, яицкое казачество также несло
ощутимые потери.

Все это привело к опустению Яиц-
кого городка. В 1721 г. астраханский гу-
бернатор Артемий Петрович Волынский
потребовал, чтобы яицкие казаки отпра-
вили в Астрахань, в помощь гребенским
казакам, 2 000 казаков. Но яицкие каза-
ки отказались, так как, по их словам, бы-
ли «обезлюженены частыми набегами на
них каракалпаков и киргиз-кайсаков». Оказалось, что за последние десять лет
степняки нападали на Яицкий городок
семь раз, а именно в 1711, 1713, 1714, 1717,
1718, 1719 и 1720 гг. В 1717 г. была самая
продолжительная осада казачьего город-
ка, которая длилась больше месяца. За
это время казаки потеряли сотни людей
и лошадей [14, л. 493–495].

Несмотря на тяжелое положение,
яицкие казаки старались предупредить
нападения каракалпаков и киргиз-
кайсаков, довольно часто выступая отря-
дами в окрестности городка и в дальние
походы на десятки и даже сотни кило-
метров. Так, в сентябре 1720 г. отряд ка-
заков, во главе с походным атаманом
Никитой Трифоновым, разбили на реке
Ток отряд каракалпаков, часть из кото-
рых пленили и отправили в Коллегию
иностранных дел [15, л. 45–51].

Для Яицкого войска наиболее
сложным оказался 1722 г. В феврале
Яицкий городок снова подвергся нападе-
нию киргиз-кайсаков и каракалпаков.
В итоге степняки смогли увести абсолют-

но все казачьи табуны лошадей. Весной
случился пожар, который уничтожил по-
чи весь городок. Часть жителей погиб-
ли, а кто остался, вынуждены были рыть
землянки и долгое время проживать в
очень суровых условиях. В пожаре сгоре-
ли практически все запасы зерна. В ре-
зультате часть жителей казачьего город-
ка, преимущественно это были казачки-
вдовы, покинули его. В этих сложных
условиях яицким казакам пришла весть о
предстоящем визите в войско царского
посланника для проведения допросов,
судебных разбирательств и переписи [2,
с. 691–692, 729, 774].

В сентябре 1722 г. Сенат принима-
ет решение отправить на Яик полковни-
ка Казанского гарнизона и капитана
лейб-гвардии Семеновского полка Ивана
Захарова. В помощники ему были назна-
чены майор Яков Протасов и капитан
Астраханского гарнизона Никита Коробов.
По причине волнений в Яицком го-
родке Военная Коллегия приказала от-
править вместе с Захаровым из Казани
две роты – драгунскую и пехотную, а при
сопротивлении казаков поступать с ни-
ми, как с бунтовщиками. Ивану Захарову
предстояло разобрать на месте все дела,
накопившиеся в Военной Коллегии
начиная с 1716 г., и провести перепись
Яицкого войска, которая, по утвержде-
нию Военной Коллегии, была выгодна
самим казакам, так как на обеспечении в
это время находились всего лишь 600
человек [2, с. 712–727].

После долгих приготовлений и
предварительного расследования 23
февраля 1723 г. полковник Захаров, в со-
провождении двух рот Казанского гар-
низона (всего около 300 человек), от-
правляется из Казани на Яик. Провиант
экспедиции был выдан на пять месяцев –
с марта по июль. 17 марта команда Заха-
рова благополучно добралась до Яицкого
городка. С 18 марта начинаются след-
ственные действия и допросы казаков [2,
с. 732–733].

Непосредственно к переписи вой-
ска полковник Захаров приступил только
28 мая, когда атаман Григорий Меркуль-
ев (он же Меркуриев) подал ему список
казаков, среди которых числились слу-

жащие казаки с родственниками, пришлые люди с родственниками, их работники, вышедшие из плена, и др. Общее количество жителей мужского пола Яицкого войска по спискам оказалось 6 116 человек. Из которых служащих старшин и казаков – 3 196 человек [9, л. 89 об.].

Стоит отметить, что в период переписи, которая затянулась до ноября 1724 г., яицкое войсковое правление периодически предоставляло Захарову дополнительные списки. Это были выходцы из плена, дети священников, возвратившиеся казаки «по болезни или по старости» с Черемшанских форпостов и др. [2, с. 786; 16, л. 187–189]. Отметим, что яицкие казаки несли службу на Черемшанских форпостах как минимум до конца 1725 г., когда вышел указ об их отправке на родину. В частности, в нем сообщалось, что «по Указу Е.И.В. Государственная Военная Коллегия приказали по доношению и Казанской губернии прошедшего ноября 24 дня об отпуске на Яик имеющихся на Черемшанских форпостах Яицких казаков пяти сот человек для предсторегания набегов каракалпаков и киргиз кайсаков...» [13, л. 2].

Полковнику Захарову также были предоставлены списки неучтенных казаков, всего 126 человек. Среди них числились беглые, уклоняющиеся от переписи, умершие и оставшиеся добровольно на разных внешних службах, скрывающиеся в Самаре, и др. Списки всех неявившихся на перепись были отправлены в Тайную канцелярию для розыска [2, с. 786; 17, л. 187–189].

Из Сакмарского городка не явились по требованию Захарова девять человек, в том числе атаман Сибиряков и есаул Шигай. Пять калмыков сбежали в

степь. Четырнадцать старцев, проживающих в скитах вверх по Яику, также исчезли. [2, с. 787; 16, л. 779–782, 797, 798].

Переписи подлежали и иногородние, постоянно или временно проживающие в Яицком городке, их оказалось 57 человек, с которыми проживало 14 детей, 1 пасынок и 2 внука. Среди иногородних также числилось 267 человек работников [2, с. 787; 17, л. 327–360;]

Во время переписи все казаки Яицкого войска были разделены на три разряда – годные к службе, отставные и малолетки. Анализ данных переписи позволил определить годы и направления миграции на Яик. При опросе казаков Яицкого войска выяснилось, что первые переселенцы прибыли на Яик в 1599 г., а последние в 1722 г. Наиболее массовые приходы пришельцев наблюдались в 1663 г. (331 чел.), в 1673 г. (363 чел.), в 1683 г. (320 чел.), в 1693 г. (206 чел.), в 1703 г. (167 чел.) [2, с. 930–932; 17, л. 1–179].

Интересные данные были получены при изучении направлений миграции на Яик. Выборочные показания казаков объединялись в таблицу, где обозначалось его прежнее место жительства, административная принадлежность города, станицы, уезда или волости в современной России (или других странах), географическое положение населенного пункта (к какому бассейну реки или моря оно относилось), их сословная принадлежность и количество. Для определения основных направлений миграции на Яик с конца XVI до начала XVIII в. данные сведения были обобщены и сведены в таблицу 2.

Таблица 2

Миграция на Яик (по переписи И. Захарова 1723–1724 гг.) [16, л. 1–179]

Территория	Города, уезды, волости, станицы, ед.	Количество переселенцев, чел.	Процент переселенцев, %
1	2	3	4
Бассейн Волги	95	2857	97,64
Бассейн Днепра	10	26	0,89
Бассейн Дона	11	21	0,72

Окончание табл. 2

1	2	3	4
Бассейн Балтийского моря (берег моря и рр. Вильня, Луга)	7	15	0,51
Бассейн Белого моря (берег моря и р. Сухона)	4	4	0,14
Бассейн Иртыша	1	2	0,07
Бассейн Южного Буга	1	1	0,03
Итого	129	2926	100

Результаты показали, что основная масса переселенцев мигрировала на Яик с Волжского бассейна (более 97 %). Меньше одного процента пришли из мест, относящихся к бассейну рек Днепр, Дон, Иртыш и Южный Буг, а также бассейнов двух морей – Балтийского и Белого.

Довольно пестрым оказался и состав Яицкого войска:

– почти 65 % яицких казаков являлись выходцами из крестьянской среды;

– имевшие до прихода на Яик мирные профессии (ямщики, посадские люди, кузнецы и др.) составляли 7,8 % численности войска;

– родившихся в казачьих семьях и служащих до прихода на Яик в регулярных и нерегулярных частях (стрельцы и казаки) было 18,3 %;

– представителей нерусских народов в войске числилось 9,2 % [8, с. 38].

*Таблица 3
Представители нерусских народов в составе Яицкого войска по переписи полковника Захарова (1723–1724 гг.) [2, с. 892–895; 8, с. 37–38]*

Разряд	Этническая принадлежность	Количество, чел.	Их дети и другие родственники	Всего, чел.
1	2	3	4	5
Записавшиеся в войско	Поляки	46	30	76
	Татары	48	22	70
	Башкиры	52	19	71
	Татары (новокрещеные)	37	20	57
	Калмыки	27	7	34
	Черкасы (украинцы)	16	7	23
	Волохи (молдаване, румыны и др.)	7	10	17
	Мордва	7	8	15
	Турки	2	2	4
	Шведы	4	–	4
	Немцы	1	1	2
	Ногайцы	1	–	1
	Черемисы (марийцы)	1	–	1
	Чухонцы (весь, сету, ижора и др.)	1	–	1
	Итого	250	126	376

Окончание табл. 3

1	2	3	4	5
Негодные к службе	Татары	8	6	14
	Поляки	5	—	5
	Волохи (молдаване, румыны и др.)	1	3	4
	Татары (новокрещеные)	2	1	3
	Черкасы (украинцы)	1	1	2
	Немцы	1	—	1
	Итого	18	11	29
Всего		268	137	405

Самое большое представительство в Яицком войске имели крещеные и некрещеные татары (144 чел.). Вероятнее всего, к категории татар традиционно относили и ногайцев, хотя в списках переписи Захарова отмечен был один ногайец отдельной строкой. За ними шли поляки (81 чел.) и башкиры (71 чел.). Довольно большое представительство имели калмыки (34 чел.), черкасы (25 чел.), волохи (21 чел.) и мордва (15 чел.). Остальные этносы насчитывали не более десяти человек (турки, шведы, немцы, ногайцы, черемисы и чухонцы).

Может удивить присутствие иностранцев в войске. Скандинавы, или как их обозначили в списках атамана Г. Меркульева, представленных на рассмотрение И. Захарову, «хлопцы финские», вполне возможно являлись пленными, привезенными яицкими казаками со «Свейских походов». Как известно, яицкие казаки четырежды отправляли в русскую армию по 500–600 человек (1701, 1703, 1704, 1707 гг.). [2, с. 982]. Немцы, поляки и турки, вероятнее всего, также оказались на Яике не по собственной воле.

Отдельному подсчету подверглись переселенцы, недавно прибывшие на Яик со степи (калмыки), казаки, считающие своей родиной Яицкий городок, имеющие происхождение от донских и гребенских казаков, а также пришлые люди, не помнящие своего родства.

Отметим, что в состав яицкого казачества в первой четверти XVIII в. добавляется калмыцкий компонент. В XVII – нач. XVIII в. переходы калмыков в яицкую казачью общину были исключительным случаем. Как известно, численность яицкого казачества в этот период обеспечивалась в том числе и за счет зачисления в казаки представителей местных кочевых народов. Яицкой казачьей общине была свойственна веротерпимость. По этой причине те же самые калмыки, которые добровольно приходили на Яик, могли не менять своего вероисповедания. Обратив на это внимание, Сенат своим определением запретил яицким казакам принимать в войско некрещеных калмыков [19, с. 97].

Первое массовое зачисление крещеных калмыков в Яицкое войско произошло в 1724 г., в то время, когда еще шла перепись. В начале 1724 г. из Яицкого городка в Москву отправляются три «легкие станицы», которые должны были выпросить для войска жалованье за два года, пушки, порох, свинец и др. В составе третьей станицы, возглавляемой атаманом Иваном Серебряковым, находился калмык Дендюк Булатов (сын Даши Булатова). 18 марта 1724 г. он подал доношение в Военную Коллегию, где подробно описал обстоятельства своего дела и просил разрешения принять православие, а также «обещал и других кал-

мыков с собой привести». Он также ходатайствовал о зачислении их в Яицкое войско на общих основаниях, без специального указа, как это было раньше. 3 апреля Серебряков получил грамоту на имя войска по делу Булатова, где разрешалось желающих калмыков крестить и зачислять в казачество, но только из владений Булатова [2, с. 782–783].

В результате в Яицкое войско зачисляются несколько десятков калмыков, принявших крещение. В переписи И. Захарова они значились с пометкой «пришедшие в войско по указу Петра I». В 1725 г. численность крещеных калмыков увеличилась уже до 110 человек [19, с. 97].

Заключение. Проведенное исследование, основанное на анализе ключевых исторических источников (списков яицких казаков 1632 г. и материалов фундаментальной переписи полковника Ивана Захарова 1723–1724 гг.), позволяет сделать ряд важных выводов о формировании и развитии Яицкого казачьего войска в XVII – первой четверти XVIII в.

Прежде всего полученные данные однозначно опровергают устоявшуюся в историографии версию о донских корнях яицкого казачества. Как показали результаты изучения миграционных потоков, подавляющее большинство переселенцев (свыше 85 % по данным 1632 г. и более 97 % по переписи Захарова) прибыли на Яик из регионов Волжского бассейна. Это подтверждает тезис о преимущественно волжском происхождении яицкой казачьей общины.

Этносоциальный состав войска, реконструированный по переписи Захарова, оказался чрезвычайно пестрым и динамичным. Его костяк составили бывшие русские крестьяне (около 65 %), что указывает на Яик, как на один из ключевых центров притяжения беглого населения. При этом значительную роль играли представители нерусских наро-

дов, в первую очередь татары, башкиры, калмыки и украинцы, что свидетельствует о веротерпимости и открытости яицкой общины на ранних этапах ее истории. Особый интерес представляет начавшееся в 1720-е гг. официальное включение в состав войска крещеных калмыков, что положило начало новому этапу в формировании его многонационального характера.

История Яицкого войска в рассматриваемый период – это история постоянной борьбы за выживание и автономию. С одной стороны, казаки несли тяжелейшие потери в стычках с кочевниками, набеги которых в первой четверти XVIII в. приобрели систематический характер. С другой стороны, они испытывали растущее административное давление со стороны Российского государства, стремившегося взять под контроль «вольных людей» и пресечь укрытие беглых. Перепись Захарова стала кульминацией этого противостояния, зафиксировав точную численность и состав войска в один из самых сложных периодов его существования, отмеченный военными поражениями, стихийными бедствиями и внутренними волнениями.

Таким образом, к концу первой четверти XVIII в. Яицкое казачье войско под влиянием внешних угроз и внутренней политики Российской империи прошло сложный путь от вольной общины беглецов до структурированной военно-территориальной корпорации с четкой организацией, многослойным составом и уникальной культурой, основанной на синтезе традиций выходцев с Волги и других регионов России. Данное исследование вносит вклад в уточнение ключевых аспектов этой трансформации, открывая перспективы для дальнейшего изучения социальной и этнокультурной истории яицкого казачества.

Список источников

1. Российский государственный архив древних актов (РГАДА). Ф. 210. Оп. 12. Ч. 1. Д. 40.
2. Карпов А.Б. Уральцы. Исторический очерк. Ч. 1. Уральск: Войсковая типография, 1911. 1013 с.
3. Назаров А.И. Антропонимикон яицких казаков XVII века. Личные имена // Вопросы антропонимики. Алматы, 2003. Вып. 1. С. 37–55.
4. Назаров А.И. Оттопонимные именования яицких казаков в материалах переписи 1632 года // Вопросы антропонимики. Алматы, 2005. Вып. 3. С. 39–47.
5. Назаров А.И. Очерки по истории фамилий уральских (яицких) казаков. Алматы: Комплекс, 2003. 180 с.
6. Витевский В.Н. И.И. Неплюев и Оренбургский край в прежнем его составе до 1758 г. Т. 1. Казань: Типо-литография В.М. Ключникова,, 1897. 198 с.
7. Джундзузов С.В. Складывание калмыцкого населения Уральского казачьего войска в XVIII – первой половине XIX века // Урал индустриальный. Бакунинские чтения: мат-лы XIV Всерос. науч. конф. В 2 т. Т. 1. Екатеринбург: УПИ, 2020. С. 96–103.
8. Дубман Э.Л. Новая Закамская линия: судьба, проект, строительство. 2-е изд. испр. и доп. Самара: Самарский университет, 2005. 196 с.
9. Дубовиков А.М. Яицкое казачество в эпоху Петра I в трудах дореволюционных авторов П.И. Рычкова и А.Б. Карпова // Эхо веков. 2022. № 3. С. 30–43.
10. Козлова Н.В. Побеги крестьян в России в первой трети XVIII в. (из истории социально-экономической жизни страны). М.: Изд-во Моск. ун-та, 1983. 150 с.
11. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 115. Д. 7.
12. РГАДА. Ф. 248. Оп. 3. Кн. 94. Д. 24.
13. РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 109. Ч. XI.
14. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 12. Д. 1.
15. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 21. Д. 1.
16. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 22. Д. 2.
17. РГВИА. Ф. 13. Оп. 1/107. Св. 30. Д. 1.
18. РГВИА. Ф. 20. Оп. 1. Д. 17.
19. Рознер И.Г. Яик перед бурей. М.: Мысль, 1966. 207 с.

References

1. Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv drevnikh aktov (RGADA). F. 210. Op. 12. Ch. 1. D. 40.
2. Karpov A.B. Ural'tsy. Istoricheskii ocherk. CH. 1. Ural'sk: Voiskovaya tipografiya, 1911. 1013 s.
3. Nazarov A.I. Antroponimikon yaitskikh kazakov XVII veka. Lichnye imena // Voprosy antroponimiki. Almaty, 2003. Vyp. 1. S. 37–55.
4. Nazarov A.I. Ottoponimnye imenovaniya yaitskikh kazakov v materialakh perepisi 1632 goda // Voprosy antroponimiki. Almaty, 2005. Vyp. 3. S. 39–47.
5. Nazarov A.I. Ocherki po istorii familii ural'skikh (yaitskikh) kazakov. Almaty: Kompleks, 2003. 180 s.
6. Vitevskii V.N. I.I. Nepliuev i Orenburgskii krai v prezhnem ego sostave do 1758 g. T. 1. Kazan': Tipe-litografiya V.M. Klyuchnikova,, 1897. 198 s.
7. Dzhundzhuzov S.V. Skladyvanie kalmytskogo naseleniya Ural'skogo kazach'ego voiska v XVIII – pervoi polovine XIX veka // Ural industrial'nyi. Bakuninskie cht-

- eniya: mat-ly KHIV Vseros. nauch. konf. V 2 t. T. 1. Ekaterinburg: UPI, 2020. S. 96–103.
8. Dubman Eh.L. Novaya Zakamskaya liniya: sud'ba, proekt, stroitel'stvo. 2-e izd. ispr. i dop. Samara: Samarskii universitet, 2005. 196 s.
9. Dubovikov A.M. Yaitskoe kazachestvo v epokhu Petra I v trudakh dorevolyutsionnykh avtorov P.I. Rychkova i A.B. Karpova // Ehkho vekov. 2022. № 3. S. 30–43.
10. Kozlova N.V. Pobegi krest'yan v Rossii v pervoi treti XVIII v. (iz istorii sotsial'no-ekonomiceskoi zhizni strany). M.: Izd-vo Mosk. un-ta, 1983. 150 s.
11. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 115. D. 7.
12. RGADA. F. 248. Op. 3. Kn. 94. D. 24.
13. RGADA. F. 342. Op. 1. D. 109. Ch. XI.
14. Rossiiskii gosudarstvennyi voenno-istoricheskii arkhiv (RGVIA). F. 13. Op. 1/107. Sv. 12. D. 1.
15. RGVIA. F. 13. Op. 1/107. Sv. 21. D. 1.
16. RGVIA. F. 13. Op. 1/107. Sv. 22. D. 2.
17. RGVIA. F. 13. Op. 1/107. Sv. 30. D. 1.
18. RGVIA. F. 20. Op. 1. D. 17.
19. Rozner I.G. Yaik pered burei. M.: Mysl', 1966. 207 s.

Статья принята к публикации 28.07.2025/
The article has been accepted for publication 28.07.2025.

Информация об авторе:

Алексей Иванович Кортунов, доцент кафедры «Отечественная и всеобщая история», кандидат исторических наук, доцент

Information about the authors:

Alexey Ivanovich Kortunov, Associate Professor at the Department of Russian and World History, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor

